

УДК 355/359
ББК 63.3(0)
3-26

Adam Zamoyski

1812. NAPOLEON'S FATAL MARCH ON MOSCOW

Copyright © Adam Zamoyski 2004
This edition is published by arrangement
with Aitken Alexander Associates Ltd and The Van Lear Agency

Замойский А.
3-26 1812. Фатальный марш на Москву / Адам Замойский ; [пер. с англ. А. Колина]. — М. : Эксмо, 2013. — 312 с. : ил.

ISBN 978-5-699-59881-6

«Работа настолько великолепна, что, начав читать, никак невозможно оторваться от книги... Изящный стиль и манера рассказчика, смелый пересмотр сложившихся стереотипов и рассказ о тяжелейших страданиях людей... Прочитайте книгу, и вы почувствуете себя так, будто прошагали с солдатами Наполеона весь путь до Москвы и обратно...»

Все это цитаты из иностранных периодических изданий, по достоинству оценивших предлагаемую ныне вниманию российского читателя работу А. Замойского «1812. Фатальный марш на Москву».

На суд отечественного читателя предлагается перевод знаменитой и переизданной множество раз книги, ставшей бестселлером научной исторической литературы. Известный американский военный историк, Адам Замойский сумел, используя массу уникального и зачастую малоизвестного материала на французском, немецком, польском, русском и итальянском языках, создать грандиозное, объективное и исторически достоверное повествование о памятной войне 1812 года, позволяя взглянуть на казалось бы давно известные факты истории совершенно с иной стороны и ощутить весь трагизм и глубину человеческих страданий, которыми сопровождается любая война и которые достигли, казалось бы, невыносимых пределов в ходе той кампании, отдаленной от нас уже двумя столетиями.

Добавить, пожалуй, нечего, кроме разве что одного: любой, кто не читал этой книги, знает о французском вторжении в Россию мало — ничтожно мало. Посему она, несомненно, будет интересна любому читателю — как специалисту, так и новичку в теме.

**УДК 355/359
ББК 63.3(0)**

ISBN 978-5-699-59881-6

© Колин А., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово	4
1 Цезарь.....	10
2 Александр.....	18
3 Душа Европы	30
4 Дрейф к войне.....	38
5 La Grande Armée.....	49
6 Конфронтация.....	62
7 Рубикон	75
8 Вильна.....	85
9 Цивилизованная война	96
10 Сердце России.....	108
11 Тотальная война	122
12 Кутузов	131
13 Битва за Москву	141
14 Голый триумф.....	158
15 Состояние пата	168
16 Отвлечение Москвой.....	178
17 Марш неведомо куда.....	188
18 Отступление	197
19 Мираж Смоленска	211
20 Конец «Московской армии».....	223
21 Березина.....	236
22 Царство смерти	248
23 Окончание пути.....	257
24 Здоровье его величества.....	267
25 Легенда.....	279
Примечания	286
Источники.....	302

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Нашествие Наполеона на Россию в 1812 г. стало одним из самых драматических моментов в европейской истории – событием титанических масштабов, прочно впечатавшимся в народную память. Стоило мне лишь упомянуть тему книги, как люди тут же оживлялись, вспоминая «Войну и мир» Толстого, поражаясь размаху трагедии, оживляя какие-то осевшие в дальних уголках мозга воспоминания или просто представляя внутренним взором кошмар плетущейся через снега наполеоновской армии. Но за моментом этим – за вспышкой осознания – почти всегда неминуемо следовало признание в полном неведении относительно того, что и почему происходило тогда и там на самом деле. Причина такого любопытного несоответствия сама по себе поразительна.

Ни одна другая военная кампания в истории не подвергалась такой политизированности. С самого начала в изучении предмета в работах о нем сталкиваешься с упорными попытками каким-то определенным образом интерпретировать и оправдать необъективное, в то время как уже само количество материала – свыше пяти тысяч книг и вдвое больше этого статей опубликовано в одной только России за почти две сотни лет после 1812 г. – скорее не помогало прояснить, а затуманивало действительность¹.

Однако, принимая во внимание все задействованные тут факторы и фигуры, ожидать чего-то другого было бы трудно. На кону стояли высочайшие репутации: Наполеона, царя Александра, фельдмаршала Кутузова, не говоря уже о многих других. Не забудем и о необходимости разобраться во всем непростом деле, поскольку описываемое противоборство, не имевшее прецедентов в истории Европы как в плане размаха, так и количества ужасных эпизодов, не так-то просто однозначно оценить в военном отношении. Часто результаты боевых действий оказывались неопределенными. Обе стороны заявляли о своей победе чуть ли не в каждом боевом столкновении. И если французы проиграли кампанию, то и русских довольно сложно назвать победителями в ней. В то же самое время люди с обеих сторон прояв-

ляли порой дикую жестокость, чего не хотелось бы признавать ни одной стране.

Во Франции первые попытки дать сбалансированную оценку войне осложняли политические факторы: режим, сменивший правление Наполеона вскоре после рассматриваемой кампании, желал выставить все связанное с императором в самом негативном свете. У русских же, по более сложным причинам, играла свою важную роль цензура. События 1812 г. и их последствия подняли вопрос, касавшийся самой природы русского государства и его народа. Как изящно высказался историк Орландо Файджес, «поиск русской народности в девятнадцатом столетии начался в воинских шеренгах 1812 г.»²

Поиск этот по природе своей являлся губительным для царизма и наиболее ярко выразился в первую очередь в восстании декабристов 1825 г. Сходные цели преследовали, пусть и самыми отличными способами, те, кто стремился к более современной России, интегрированной в главенствующий поток западной цивилизации, и славянофилы, отвергавшие Запад и все на чем тот стоит, а искавшие вместо того истинный «русский» путь. Событиями 1812 г. обе стороны воспользовались для подкрепления своих позиций, отчего те приняли мифологический характер и, в итоге, чем дальше, чем больше искажались. Такую раздвоенность только сильнее осложнило появление марксизма.

Первые французские историки, взявшиеся писать о 1812 г., были либо враждебны Наполеону, либо имели весомым мотивом желание снискать себе расположение со стороны постнаполеоновского режима, а потому валили всю вину на демона Бонапарта. Но большинство французских писателей, занимавшихся темой данного похода, участники его или академические историки более позднего времени, старались использовать взвешенные и объективные мерки. Частенько демонстрируя некоторую степень смущения из-за откровенно империалистического характера предприятия и из-за бедствий, принесенных Францией русскому народу, не говоря уж о своих и союзнических солдатах, они старались обелить

репутацию Наполеона и честь французского оружия щедрой репрезентацией доблести русского солдата и суровости русского климата. Авторы эти также хватались и за любимую соломинку представления романтиков 1820-х и 1830-х годов, которые превращали ужасную катастрофу в этакую картину величия в несчастье.

В последние десятилетия девятнадцатого столетия удаленность событий и рост сердечности между двумя странами позволил французским историкам выработать более объективный подход к предмету. Столетняя годовщина, наступившая как раз накануне Великой войны и в момент, когда оба государства выступали союзниками, стала свидетельницей тесного сотрудничества исторических комиссий французских и русских штабов и привела к публикации значительного количества первоисточников. Но французские историки продолжают выказывать определенное нежелание иметь дело с рассматриваемой войной и так и не выдали сообразного событиям генерального труда по данному вопросу.

Первое изображение событий русской стороной, вышедшее из-под пера полковника генштаба с такой скоростью и рвением, что вышел сей труд аж на английском и даже не в Старом свете, а в Бостоне в течение одного года, преследовало, несомненно, пропагандистские цели, чтобы помочь вымостить России путь для ее будущей роли в событиях Европы. Но версия эта и в самом деле отражала ощущения и взгляды значительных сегментов русского общества. В данной работе Александр изображался неким стержнем, сплотившим вокруг себя отважное патриотически настроенное дворянство и верное крестьянство, готовое защищать Веру, Царя и Отечество.

Дмитрий Петрович Бутурлин, сам участвовавший в войне и написавший ее первую подробную историю, добавил парочку новых составляющих. Во-первых, идею России как невинной жертвы агрессии. Во-вторых, образ Кутузова как квинтэссенционального русского героя – простого и мудрого. В четырехтомной истории А.И. Михайловского-Данилевского, вышедшей в свет в 1839 г., Александр изображался своего рода моральным маячком, пробудившим духовные, а равно и физические силы русского народа и поднявшим его на оборону отечества. Именно в этом труде данная кампания впервые аттестована как «Отечественная война», или война патриотическая. Подспудным мнением автора служило видение во всех событиях явного перста Всевышнего, действовавшего через царя и русский народ против мирового зла. А коли так, все утверждения французов о том, что-де победила их русская зима, а не войска, отmetalись как неуместные.

Именно в стремлении выразить мысли, противоположные подобным декоративным шаблонам фундаментально духовной интерпретации, летом 1863 г. Лев Толстой засел за работу над романом «Война и мир», в котором толковал многие события через призму своих особых взглядов.

Толстой на первых порах испытывал определенную восторженность по поводу программы либеральных реформ, начатых царем Александром II при восшествии его на трон в 1855 г. Граф даже пытался опередить новшества за счет предложения крепостным в своем имении определенного договора, освобождавшего их от прежних обязательств и дававшего им землю для обработки. Но крепостные отнеслись к инициативе барина с подозрением и отвергли его начинание. Однако такое их отношение не повернуло Толстого против крестьян, а подтолкнуло к отвержению либерализма вообще. Он воспринял точку зрения славянофилов о том, что либералы доведут Россию до гибели внедрением иностранных идей и институтов, чуждых русскому характеру. Толстой также отреагировал на волну выражения самоуничужения, поднявшуюся среди интеллектуалов, рассматривавших недавнее поражение в Крымской войне как часть парадигмы русской отсталости. В своем изображении событий 1812 г. Толстой прослеживает метафору проникновения в Россию иностранного влияния: Наполеон у него носитель «чужеродного» порядка, каковой принимала и разделяла часть «испорченного» окружения Александра. Но русский народ отверг такой порядок. И все же «Война и мир» не прославление русского простого народа – герой романа Толстого почтительное крестьянство, возглавляемое мелким дворянством, которое, в отличие от офранцузенных аристократов, сохранило верность русским ценностям. Однако труд Толстого – не полный вымысел, и он сделал свое дело.

В первых предложениях «Войны и мира» выражается негодование по поводу действий французов в Генуе и Лукке в 1799 г., в то время как на следующей странице один из героев высказывает утверждение о том, что Россия будет спасительницей Европы. Начав роман именно так, Толстой решительно отверг утверждение, будто вторжение французов в 1812 г. являлось актом ничем не спровоцированной агрессии: ему было очевидно, что кампания эта была лишь частью продолжительной борьбы между Францией и Россией за господство в Европе. И все же прошло некоторое время прежде, чем об этом завели речь русские историки.

Вторая половина девятнадцатого столетия стала свидетельницей публикации большого количества дневников, воспоминаний, писем участников событий, кроме

того штабных документов с данными о количестве войск и их диспозиции, а также официальных рапортов, приказов и писем. Тогда же появился и ряд полезных анализов определенных аспектов кампании, отдельных битв и реакции в обществе на события.

Следующее поколение русских историков, обращавшихся к предмету с той или иной глубиной, испытывало влияние идей Маркса и Энгельса и выработало более прагматический взгляд на события 1812 г. Это правда, что Александр Николаевич Попов, писавший в 1912 г., идеализировал Кутузова и «русское общество», но его более приземленный современник, Владимир Иванович Харкевич, признавал ошибки, совершенные Кутузовым, и не соглашался с образом России как невинной жертвы. Константин Адамович Военский держался сходной линии и относил военные неудачи русских в 1812 г. к слабостям структуры страны и общественного устройства. Ряд историков, в отличие от того, как все изображалось раньше, публиковали исследования отдельных аспектов и приводили примеры реакции русского общества, отнюдь не исполненного лубочного патриотизма, а также доказывали, что просчеты в плане тылового обеспечения у французов и климат сыграли основную роль в результатах кампании.

Вероятно, самым сильным в данном поколении историков и наиболее решительно выступавшим против старых мнений следует считать Михаила Николаевича Покровского. Согласно ему, царистское государство было вынуждено расширять российское господство все дальше за пределы границ империи, чтобы гарантировать выживание отсталой, по существу феодальной системы у себя дома. Автор этот дошел даже до того, что выставил вторжение Наполеона в Россию как акт необходимой для него самообороны. Покровский сильно и глубоко критиковал Кутузова и прочих русских генералов. Он подчеркнул значение погодных условий в поражении французов и, оспорив миф о патриотизме крестьян, умалил роль «русского общества». Те, кто сопротивлялись захватчикам, делали это, по его мнению, в стремлении спасти своих кур и гусей, а вовсе не ради защиты отечества³.

Мнение Покровского разделял и Ленин, а потому в первые два десятилетия советской власти оно пользовалось популярностью. Войну тогда «отечественной» не называли, поскольку она велась из-за соответствующих экономических интересов русских империалистов и французской буржуазии. Русские войска так скверно защищали страну, прежде всего потому, что находились под командованием дворян, а страх правительства перед вооружением крестьян не позволил дать старт настоящей партизанской войне против французов.

С подачи Сталина, 16 мая 1934 г. правивший в СССР Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) выпустил особое постановление, в котором рекомендовалось применить свежий подход к изучению истории, нацеленный на привлечение масс. Но как эти новые веяния должны отражаться на представлении о событиях 1812 г., стало ясно не сразу. Писавший в 1936 г. историк Евгений Викторович Тарле подтверждал, что русский народ не играл никакой роли в войне, низводя партизанскую деятельность крестьян не более чем к нападениям на отставших от своих частей французских солдат. В следующем году он опубликовал труд о войне, в котором говорил почти диаметрально противоположное, представляя ее как триумф патриотизма русского народа. После слома определенного количества копий и подчистки завихрений в русле взгляда с позиции марксистской диалектики, войну 1812 г. вновь нарекли «Отечественной», но только, вывернув все наизнанку. Тарле не отрицал определенного влияния погодных условий на поражение французов, но не избегал позднее обвинений в распространении идей – как выразился один писатель – «троцкистско-бухаринской контрреволюции врагов народа» и в «прославлении измышлений зарубежных авторов». Даже мнение величайшего военного теоретика Карла фон Клаузевица, лично участвовавшего в кампании на стороне русских, заклеили как «ложное».

Тарле принял за основу традиционное духовное видение событий, изобразив победу французов под Бородино как «моральную победу» для русских, а саму войну как плавильный тигель для всего самого лучшего в русской истории на протяжении нескольких следующих десятилетий. Он также создал монументальный образ Кутузова, представив его как некую метафизическую эманацию русского народа – истинного вождя во всех возможных смыслах⁴. Но не Тарле, а его коллега П. А. Жилин стал тем, кто провел очевидные параллели между Кутузовым и Сталиным как двумя спасителями отечества.

Нашествие войск Гитлера на СССР в 1941 г. и титаническое противостояние, вызванное вторжением, добавили точек соприкосновения той войне и событиям 1812 г., каковые оказались прекрасным источником пропагандистского материала. «Отечественная война 1812 года», как стала она отныне называться, могла вполне рассматриваться как своего рода генеральная репетиция другой – «Великой Отечественной войны». Труд Тарле был переведен и широко публиковался на Западе, чтобы поддержать образ миролюбивой России, подвергшейся нападению ни за что ни про что. При этом, однако, совершенно списывался со счетов довольно неприятный

факт: как и в 1812 г., Россия являлась союзником и соучастником той другой, позднее враждебной стороны, вплоть до начала военных действий между ней и вчерашним другом. Но ясно читающиеся параллели должны были подтверждать главную мысль: русский народ и выпрыгнувшие из его лоно вожди – непобедимы.

На короткий период после смерти Сталина в 1953 г. в русской историографии появилась хотя бы толика объективности, и тогда свет увидели ряд довольно основательных работ, посвященных экономической, политической и дипломатической подоплеке событий, военным приготовлениям и прочим аспектам. Но приход к власти Брежнева заставил положить все эти идеи под сукно или спрятать в запасниках. Историки вроде Л.Г. Бескровного хватались за старую панацею патриотизма и бесстыдным образом повторяли очевидное вранье. Численность французских войск неизменно завышалась, а русских, напротив, занижалась. Персона Кутузова получила свою собственную жизнь. Изнеженный в роскоши князь-сластолюбец превратился в нечто вроде крестьянского вождя, у которого имелся своего рода почти мистический «конфликт» с царем и системой. Совершаемые им грубые просчеты представлялись как глубокая хитрость, хотя действительные результаты ее как будто бы и не ощущались, а каждая ошибка изображалась некой гениальной стратегической уловкой.

Такие интерпретации жили себе полнокровной жизнью до конца 1980-х, когда поколения новых историков, таких как А.А. Абалихин, В.Г. Сироткин, С.В. Шведов, Олег Соколов и Н.А. Троицкий, придали освещению темы неведомые доселе свежесть и честность. Однако, похоже, понадобится какое-то время для некоего обобщения всего привнесенного ими.

Ряд западных историков, рассматривавших в работах данный предмет, довольно скромно пользовались первичными русскими источниками, полагаясь вместо того все больше на работы своих российских коллег. Совершенно неудивительно, что факты и данные, находимые там, воспринимались как истина. Что более любопытно, так это принятие большинством таких исследователей определенных интерпретаций событий и усвоение, пусть и подсознательное, определенной порции эмоционального и политического духа.

По существу весь сохранившийся документальный материал, касающийся политических и военных событий, освещаемых данной книгой, публиковался и находился в свободном доступе на протяжении десятилетий. Было бы интересно и, возможно, полезно охватить вопрос шире, присмотреться к тому, как данный исторический эпизод отразился на структуре русского государ-

ства, на его экономике и отношении к власти. Следовало бы, наверное, обратиться к рукописным оригиналам некоторых напечатанных источников, в особенности переводов с французского на русский. Однако маловероятно ожидать выхода в свет каких-то новых значимых документов или дальнейших детальных исследований в сопутствующих сферах, которые могли бы дать свежие свидетельства причин и поводов для той войны, ее хода, численности войск сторон, размеров урона или каких-то иных жизненно важных аспектов.

Посему можно подытожить: почва подготовлена, и теперь, когда националистические страсти пошли на убыль, и снизилась довлеющая над умами категоричность политических императивов, задача написания книги о событиях 1812 г. не должна уже казаться особенно рискованным предприятием. Однако же предприятие по-прежнему остается гигантским по размаху. Ибо речь не просто о какой-то войне, а о противостоянии, ставшем свидетелем высшего накала страстей в длительном поединке между Наполеоном и Александром, между Францией и Россией, между – с одной стороны – идеологическим наследием европейского Просвещения и Французской революции и – с другой – реакцией, сочетавшей христианство, монархизм и традиционализм. Противоборство это охватило всю Европу, а эхо его оказалось слышным очень далеко и очень долго. Размах состязания систем был беспрецедентным и поднял ряд вопросов, прежде неизвестных и незнакомых в военной истории. Конфликт стал также и первой современной войной, к активному участию в которой правительство России привлекло весь русский народ, и где народные настроения выступали в качестве составляющего элемента военной стратегии. Совершенно невозможно отделять одни эти компоненты от других, поскольку без осознания всей широты и глубины множества свойственных конфликту обстоятельств и факторов невозможно понять его суть и подоплеку.

Для воздаяния должного предмету потребовались бы многие годы и работа, по крайней мере, вдвое более длинная, чем представленная вниманию читателя, каковую автор вовсе не мыслил некой финальной и закрывающей тему раз и навсегда. Здесь нет полного отчета обо всех военных действиях, включавших в себя десятки сражений и боев, проходивших на широком ареале. Нет у автора претензий и на нечто большее, чем выведение общего контура дипломатических взаимоотношений между Францией и Россией. Моя главная задача при написании этой книги состояла в рассказе о необычайных явлениях, о которых всякий хотя и слышал, но мало что действительно о них знал. Я попытался рассмотреть все

события в более широком контексте и затронуть самые глубинные моменты. Помимо всего прочего я постарался показать значение той войны для свидетелей и участников происходившего на всех уровнях, ибо история эта – история человеческая во всем своем надменном величии и унижении, в торжестве и горести, во славе и мерзости, в радости и страданиях.

В своей работе я в основном использовал сведения из первых рук, то есть свидетельства непосредственных участников событий. К счастью, источники такого рода весьма многочисленны, хотя они заметно разнятся между собой в плане точности и литературных качеств. Часто речь идет о письмах и дневниках, в другой раз доводится иметь дело с основанными на дневниках воспоминаниями, составленными как по свежим следам, спустя год или два после войны, так и много позже, спустя десятилетия. Есть среди привлеченного материала и рассказы, базирующиеся на личных переживаниях и документах, мемуары, написанные участниками кампании, из которых одни занимали ключевые посты и были лучше информированы, а другие являлись рядовыми исполнителями или же наблюдали за всем происходившим со стороны. Я принимал в расчет данные факторы при использовании мемуарных источников и старался избегать опасности увлечься каким-то отдельными точками зрения, например, доверять мнению и оценкам Сегюра, который не являлся ключевой фигурой, но писал так, как будто бы он ею был, вследствие чего я относился к его опусу с особым пристрастием. Также скептически воспринимал я и его главного критика, Гурго, положение которого не давало ему права приходить ко всем сделанным им выводам, и который к тому же молился на Наполеона, как на Бога.

Теми же желаниями я руководствовался при выборе иллюстраций, в чем мне потворствовали другие уникальные особенности рассматриваемой войны. Данная кампания единственная на пороге появления фотографии, отраженная в графических работах участников, некоторые из которых вошли в историю как значимые художники. Прошло еще около полустолетия, когда во время Гражданской войны в США реалии войны были показаны с той же живостью и непосредственностью взгляда изнутри. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, я решил обойтись без воспроизведения множества помпезных, но по большей части малозначимых для общей картины войны батальных сцен, которыми обычно иллюстрируют подобные книги, но сосредоточить силы на воссоздании некоего фотографического рассказа о походе. Если не считать небольшого количества портретов основных фигурантов, почти каждая картинка из представленных была написана или нарисо-

вана кем-то из участников либо с натуры на месте, либо по памяти, либо – в самом крайнем случае – по указаниям очевидцев событий.

Когда я ощущал потребность в подтверждении цитат, то обращался к другим первоисточникам, которые говорили то же самое. Однако в стремлении избежать слишком большого количества ссылок на одной странице, я зачастую сводил вместе несколько высказываний или серию связанных между собой фактов в единый абзац с одной сноской. Все переводы мои, за исключением случаев, когда та или иная книга сама оказывалась переводом или оригиналом на немецком, в чем мне помогали другие.

Существуют несколько методик транслитерации русских слов и имен, ни один из которых, по моему мнению, не является полностью сообразным и удовлетворительным. Дело заключается в попытках добиться точной совместимости там, где это попросту невозможно, к тому же новые схемы транслитерации неизбежно делают неправомерными слова, переданные с использованием предыдущих методов, каковые уже стали привычными. Посему я следовал своему лингвистическому чутью и тому, что считал здравым смыслом. Однако могу легко догадаться, что иные специалисты найдут мой подход раздражающим.

В основе моей транслитерации русских имен фонетический метод, – то, как они звучат при произношении, – а потому я отдаю предпочтение *Yermolov* перед *Ermolov*. Или же я следовал традиции – тому, в каком виде имена собственные прижились на Западе и существовали на протяжении десятилетий, вследствие чего придерживаюсь *Tolstoy*, а не *Tol'stoi*, *Galitzine*, а не *Golitsuin*. По тем же причинам выбираю «-sky» в окончаниях многих русских имен в противоположность «-skii». Однако я придерживался универсальных новых правил в библиографии, потому что в таком виде имена появляются в (большинстве) библиотечных каталогов. В случае нерусских, служивших в русской армии, я брал за основу написание оригинального языка, поскольку, руководствуясь чисто прагматическими соображениями, не вижу никакого смысла переделывать *Wittgenstein* в *Vitgenshtain*, а *Czaplic* в *Chaplits*, или *Clausewitz* в *Klausevits*, правда, с двумя исключениями: *Baggovut* (по-шведски *Baggehuffwudt*) [род, к которому принадлежал русский генерал-лейтенант Карл Федорович Багговут, имел норвежские корни, его оригинальная фамилия Баггехувуд переводится как «Медвежья голова». – *Прим. ред.*] и *Miloradovich* (по-сербски *Miloradovič*).

Вероятно, самый сложный вопрос представляют географические названия. Боевые действия в ходе кампании протекали на территориях, которые лишь недавно

отошли от одного государства к другому, а порой были возвращены старым владельцем, притом, что теперь там образовались совсем новые страны.

В случае тогдашней Восточной Пруссии я использовал немецкие названия и опирался на русские традиции по России к западу за Смоленском. В части топографии Великого герцогства Варшавского я руководствовался польским языком и при транслитерации опирался на польские названия на территориях, принадлежавших Речи Посполитой всего за несколько десятилетий до 1812 г. Поступал я так потому, что французы в своих мемуарах применяли собственные формы написания польских топонимов (иногда довольно забавные). Русское звучание названий сильно отличается от польских, в то время как современные литовские или белорусские и вовсе стали бы сбивать читателя с толку. Единственное исключение я сделал для столицы Литвы: французы обычно прибегали к написанию *Wilna*, русские – Вильна, а поляки – *Wilno*, что казалось неуместным, особенно в передаче *Vilno*, а потому я остановился на *Vilna*. По той же причине я выбрал русское *Glubokoie* (Глубокое), а не на польское *Głębokie*, транслитерация которого приняла бы форму *Gwembokie*.

Все даты даны по новому стилю, то есть в соответствии с григорианским календарем.

Мне хотелось бы поблагодарить профессоров Изабель де Мадариага, Дженет Хартли, Линдси Хьюз, Доминика Ливена и Александра Мартина за советы и помощь. Я также очень признателен Мирье Кремер и Андреа Остермайер за помощь с рядом немецких текстов, а Галине Бабковой за скорость и точность, с которыми она доставала, копировала и переправляла мне все нужное из библиотек в России. Я благодарен доктору Доброславе Пьятт, Лоренсу Келли, Артемис Бивор и Жану де Фукьеру за помощь в поиске иллюстраций. На долю Ширви Прайса вновь выпал неблагодарный труд чтения манускрипта, каковой в результате подвергся ценнейшим критическим замечаниям, а Роберт Лэйси показал себя исключительно дотошным редактором. Тревор Мэйсон заслуживает медали за его терпение в работе со мной над картами и диаграммой.

Не могу не сказать спасибо послу, Стефану Меллеру, за помощь во время моей поездки по театру военных действий, и Миколаю Радзивиллу за то, каким замечательным водителем стал он для меня на дорогах России, Литвы и Белоруссии, а также спутником в Вильнюсе, Орше и Смоленске, на поле Бородинского сражения и на берегах Березины.

Помимо всего прочего я признателен за все моей жене Эмме.

1

ЦЕЗАРЬ

Как только утром 20 марта 1811 г. прогремел выстрел из первой пушки в ряду выстроенных около Дома Инвалидов орудий, на Париж вдруг обрушилась неожиданная и не свойственная ему тишина. Повозки и кареты остановились, замерли на месте пешеходы, в окнах всюду появились лица людей, а ученики подняли глаза от страниц книг. И все принялись считать выстрелы, раздававшиеся один за другим через строго определенные промежутки времени. В конюшнях *École Militaire* (Военной школы) кавалеристы гвардии чистили коней, когда... «Внезапно звук пушки из Дома Инвалидов заставил руки прекратить движения, щетки и гребни на мгновение словно бы зависли в воздухе, – писал один молодой конный егерь. – Все умолкло, и среди множества людей и лошадей любой мог слышать шуршание мыши»¹.

Когда в предыдущий вечер разнеслась весть о начавшихся у императрицы схватках, многие начальники и хозяева предоставили работникам внеочередной выходной, и те, переполняемые ожиданием, столпились всюду на улицах, прилегавших к дворцу Тюильри. Парижская биржа перестала работать, и единственным финансовыми сделками, совершавшимися в тот день, стали ставки и пари по поводу пола ребенка.

«Трудно даже представить себе, с каким волнением люди считали первые выстрелы пушек, – вспоминал один очевидец, ибо все знали, что двадцать один выстрел будет возвещать о рождении девочки, и целых сто выстрелов – о рождении мальчика. – Глубочайшая тишина царила до двадцать первого выстрела, когда же прогремел двадцать второй, во всех уголках Парижа одновременно раздались настоящие взрывы ликования и радостных поздравлений»².

Люди словно бы сошли с ума, они бросались обнимать совершенно незнакомых им прохожих и восклицали: «Vive l'Empereur!» («Да здравствует Император!») Другие танцевали на улицах, пока в воздухе грохотали оставшиеся семьдесят восемь выстрелов этой ухающей канонады.

«Никогда прежде, даже в самые величайшие праздники, Париж не являл собой картины большей всеобщей

радости, – замечал другой очевидец. – Праздновали повсюду»³. В небо поднялся воздушный шар с прославленным аэронавтом, мадам Бланшар, и тысячами листовок с благой вестью о случившемся, каковые она разбрасывала над сельской местностью. Гонцы с новостями скакали во всех направлениях. В тот вечер гремел салют, а столице украсила иллюминация – даже в окнах самых бедных мансард горели свечи. В театрах ставились особые представления, художники-граверы наперегонки изготавливали слащавые картинки с изображением новорожденного чада императора, вознесенного на небо в облачках и с гирляндами лавровых венков вокруг него, поэты же строчили бравурные памятные оды. «Но чего никто не в силах передать в полной мере, – писал молодой граф Филипп-Поль де Сегюр, – так это поражающей всех дикой волны народной экзальтации, накатившейся на город, когда двадцать второй выстрел возвестил Франции о рождении наследника Наполеона и империи!»⁴

Двадцатилетняя императрица Мария-Луиза ощутила первые болезненные толчки около семи часов предыдущим вечером. Доктор Антуан Дюбуа, *premier accoucheur* (первый акушер) империи, находился рядом. Скоро к нему присоединились доктор Корвисар, первый врач, доктор Бурдые, врач-ординатор императрицы, и врач-хирург Наполеона, доктор Иван. К ним добавился император, его мать и сестры, а также дамы из двора императрицы – всего двадцать два человека в спальне и в соседней комнате, готовые помочь и поддержать роженицу.

А далее в залах Тюильри неуютно толпились две сотни чиновников и сановников при полном придворном параде. Их стали созывать с момента первых признаков начала родов у императрицы. Время от времени одна из дежуривших у постели фрейлин выходила, чтобы сообщить собравшимся о том, как идут роды. По мере течения вечера слуги принесли небольшие столики, накрыв их легким ужином: цыплята с рисом и шамбертен, чтобы промочить горло.

Однако рассеившаяся было атмосферу вновь сгустило ощущение, что происходящие в спальне императрицы

процессы явно далеки от нормальных. Около пяти утра великий маршал империи вышел и уведомил всех о том, что боль отступила и императрица заснула. Затем он решил собравшимся разойтись по домам, но предупредил о необходимости находиться в состоянии готовности к вызову во дворец. Некоторые уехали, но большинство придворных устроились кто как на лавках и свернутых коврах, превращенных в импровизированные матрасы, и улеглись там прямо в парадном облачении и при регалиях в стремлении урвать хоть маленькую толику сна.

Наполеон неотрывно находился с Марией-Луизой, он разговаривал с ней, старался утешить и подбодрить со всей плохо скрываемой нервозностью будущего отца. Когда она уснула, Дюбуа сказал императору, что тот может пойти и немного отдохнуть. Наполеон умел обойтись без сна. Излюбленным способом расслабления для него служила горячая ванна, каковую он считал самым подходящим средством для борьбы с большинством хворей, будь то простуда или констипация, которые одолевали его регулярно. Именно так он и поступил в описываемом случае.

Однако императору не пришлось особенно долго наслаждаться купанием в горячей воде, поскольку Дюбуа поспешил к нему по скрытой лестнице, ведущей из апартаментов Наполеона в спальню императрицы. Родовые схватки возобновились, а доктор беспокоился из-за того, что ребенок шел неправильно. Наполеон спросил врача, существует ли какая-то опасность. Дюбуа кивнул, сетуя по поводу осложнений, возникших у императрицы. «Забудьте, что она императрица и обращайтесь с ней так, как если бы она была женой лавочника с улицы Сен-Дени, – оборвал его Наполеон и добавил: – В любом случае спасайте мать!» Он выбрался из ванны, наскоро оделся и отправился вниз к докторам, дежурившим у постели жены.

Увидев, как Дюбуа достает щипцы, императрица вскрикнула от страха, но Наполеон успокоил супругу, взял ее за руку и гладил, пока графиня де Монтескью и доктор Корвизар держали роженицу. Ребенок шел ножками вперед, и Дюбуа углубился в труды, чтобы вытащить младенца. Он тянул, потом отпускал и, наконец, примерно в шесть утра закончил работу. Дитя казалось мертвым, и Дюбуа, отложив его, вместе с другими занял мать, для которой кризис еще не миновал.

Но вот Корвизар взял ребенка и принялся энергично растирать его. Примерно через семь минут новорожденный ожил, и тогда врач передал его графине де Монтескью, возвестив о рождении мальчика. Увидев, что опасность для Марии-Луизы миновала, Наполеон взял ребенка на руки, вбежал в соседнее помещение, где уже

в предчувствии самого скверно исхода ожидали высшие офицеры и придворные империи, и воскликнул: «Зрите же короля Рима! Две сотни пушечных выстрелов!»

Когда, спустя недолгое время, падчерица императора и жена его брата, королева Гортензия, подошла поздравить Наполеона, тот ответил ей: «Я не чувствую счастья – бедняжка так страдала!»⁵ Он действительно думал так. Они поженились всего год назад, и династический брак быстро превратился в семейную идиллию. Одна из тринадцати детей австрийского императора Франца II, Мария-Луиза была любимицей отца, его «*adorable poupée*» («очаровательной куколкой»). Ее растили в ненависти к Наполеону, говоря о котором неизменно употребляли эпитеты вроде «корсиканец», «узурпатор», «Аттила» или «антихрист». Но дипломатия потребовала жертв, и девушка склонилась перед волей отца. Когда же она познала радости супружеской постели, ее восхищение французским императором не знало предела. Наполеон, до дрожи преисполненный благоговения от возможности иметь в женах «дочь цезарей», как он называл жену, бывшую к тому же вдвое младше его, быстро превратился в счастливого супруга. Словом, оба радовались жизни как простые влюбленные друг в друга муж и жена из среднего класса.

В тот же вечер, пока вся столица праздновала событие, дитя окрестили в соответствии с вековыми ритуалами французского королевского семейства. На следующий день Наполеон, восседая на императорском троне, давал большую аудиенцию, принимая официальные поздравления. Затем весь двор отправился за ним, чтобы лицезреть инфанта, лежавшего в великолепной посеребренной колыбели, подаренной государю жителями Парижа. Разрабатывал ее художник Пьер Прюдон. Он изобразил фигуру Славы, держащей триумфальную корону, и молодого орленка, поднимающегося к яркой звезде, каковая символизировала Наполеона. Канцлеры *Légion d'honneur* (Почетного легиона) и *Croix de fer* (Железной короны) положили знаки обоих орденов на подушечку рядом со спящим ребенком. Живописец Франсуа Жерар сел за написание портрета.

На протяжении многих дней поток поздравлений и выражений покорности тек в императорский дворец отовсюду – города присоединялись к ликующему Парижу по мере того, как новость достигала их, и отправляли в столицу свои делегации. Потом все повторялось, как только известие долетало до ушей людей, живших во все более удаленных уголках империи и в других странах. Ничего удивительного – нечто подобное и должно было происходить в сложившейся ситуации. Однако в празднованиях и поздравлениях присутствовало нечто боль-

шее, чем выражение верноподданнических чувств населения. Для большинства французов рождение мальчика служило неким знаком – символом, знаменовавшим начало эры мира и стабильности, а может и чего-то еще не менее важного.

До того в течение целых девятнадцати лет Франция почти непрерывно воевала. С 1792 г. против нее действовала коалиция Пруссии и Австрии. В последующие годы к этим державам присоединялись Британия, Испания, Россия и другие государства поменьше, и все они горели желанием задушить революционную Францию и восстановить династию Бурбонов. Война шла не из-за территории, нет, она являла собой идеологическую борьбу за будущий порядок в Европе. Если оставить в стороне зверства, революционная Франция принесла в жизнь народа все идеалы Просвещения, и само уже существование этой страны рассматривалось монархическими режимами как угроза их выживанию. Франция широко пользовалась этим оружием для самозащиты путем экспорта революции и разжигания огня мятежей в землях врагов. Постепенно она перестала быть жертвой и превратилась в агрессора, но, тем не менее, продолжала сражаться за выживание. Революционная Франция не могла гарантировать себе длительного мира, поскольку почти все прочие государства в Европе не желали примириться с самим существованием республиканского строя и стремились уничтожить его.

Захват власти в Париже в ноябре 1799 г. генералом Наполеоном Бонапартом должен был бы, казалось, разорвать сей порочный круг страха и агрессии. Он обуздал демагогов, закрыл ящик Пандоры, открытый революцией, и навел порядок в стране. Как дитя Просвещения и одновременно деспот, он мобилизовал энергетические потоки внутри Франции и начал управлять ими ради строительства отлично организованного, процветающего и мощного государства – *«état policé»*, о котором мечтали философы Просвещения.

Он шагал по пути, проложенном такими правителями, как король Пруссии Фридрих Великий, царица России Екатерина Великая и император Австрии Иосиф II, которые дали старт общественным и экономическим реформам и одновременно упрочили структуры государства, за что повсюду встречали уважение и восхищение. Но, даже являясь их последователем, Бонапарт оставался словно бы некой гротескной фигурой – зловерным отпрыском ужасной революции.

К 1801 г., после серии впечатляющих побед, он сумел принудить к миру все державы европейского континента. Наполеон гарантировал безопасность Франции за счет расширения границ и создания нескольких тео-

ретически автономных республик в Северной Италии, Швейцарии и Голландии, представлявших собой на деле французские провинции. В марте 1802 г. Бонапарт даже заключил Амьенский мир с Британией. Однако этому договору не стоило прочить большое будущее.

Для Британии гегемония Франции в Европе являлась чем-то совершенно нетерпимым. Для Франции же постоянную угрозу представляло превосходство Британии на море. Попытки французов обеспечить себе позиции на Мальте, в Египте и в Индии являли собой призрачный, но навязчивый кошмар для Британии, тогда как способность последней находить себе союзников на европейской территории и вести войну опосредованно оставалась неизбывным источником неудобства для Франции. Враждебные действия между двумя этими странами возобновились в мае 1803 г.

В последующие годы Бонапарт сам способствовал усилению противодействия его правлению в странах Европы. В марте 1804 г. он приказал захватить в Эттенхайме (на территории Бадена, то есть за пределами Франции) герцога Энгийенского и привести его в Париж. Император пребывал в убеждении, что герцог участвует в заговоре с целью реставрации монархии Бурбонов, и приказал казнить молодого человека после формального разбирательства. Такое нарушение всех принятых законов и обычаев напугало Европу. Оно как будто бы подтверждало правильность мнения тех, кто видел в Бонапарте воплощение дьявола, и усиливало порыв желавших хоть до смерти сражаться за образец порядка, олицетворяемого *ancien régime* – «старым режимом», против сил зла в облике революционной Франции.

На самом деле Франция к тому времени прекратила заниматься экспортом революции. Она сделалась чем-то не многим большим, чем проводником амбиций Бонапарта, который спустя пару месяцев провозгласил себя императором французов под именем Наполеона I.

Какова была на деле суть этих притязаний, вопрос спорный – во всяком случае, он сбивает с толку и разделяет между собой историков на протяжении более чем двух столетий, ибо Наполеон постоянно демонстрировал непоследовательность едва ли не во всем, чем занимался. Сделанные им высказывания в лучшем случае могут иллюстрировать некоторые из его мыслей и чувств, тогда как поступки императора французов зачастую оказывались неоднозначными и противоречивыми. Он был умен и прагматичен – все верно, но при этом увлекался иллюзорными фантазиями, показывал себя как отъявленный оппортунист и в то же время попадал в плен собственного догматизма. Будучи последним циником, он порой гонялся за романтическими миражами. У не-

го не существовало генеральной сверхидеи или некоего суперпроекта.

В значительной мере Наполеоном двигали некие совершенно простые вещи вроде жажды власти и господства над прочими. К этому – когда кто-то или что-то мешало ему, стояло на его пути – нередко добавлялся комплекс почти детских реакций. Не обладая чувством справедливости и каплей уважения к желаниям других, император французов воспринимал любое несогласие со своими действиями как настоящий бунт, на что отвечал с несообразной страстью и энергией. Вместо того чтобы просто не замечать малых неудач или обходить препятствия, он вкладывал в ответные удары всю силу, каковая склонность часто вовлекала его в совершенно ненужные и дорогостоящие лобовые столкновения.

К тому же он нередко становился пленником странного чувства предначертанного – некоего изобретенного им самим понятия о судьбе, каковое подчас влияло на поступки молодых людей, воспитанных на литературе романтиков, с героями которой он ассоциировал себя (любимым чтением Наполеона являлись стихи Оссиана и «Страдания юного Вертера» Гёте). «Найдется ли слепец, – вопрошал он во время Египетской кампании в 1798 г., – неспособный видеть того, что все мои действия направляет судьба?»⁶ Кроме того, Наполеон восхищался пьесами Корнеля и, как есть основания считать, рассматривал себя в качестве персонажа, призванного играть главную роль в этой величайшей драме жизни по образу и подобию трагедий, создаваемых любимым драматургом на сцене.

Такое вот чувство определяющей судьбы то и дело заставляло Наполеона поступать вразрез с разумом в погоне за туманными мечтаниями. Его триумфы в Италии, за которыми последовали поразительные победы при Аустерлице и Йене, только усилили тягу к фантазиям, передавшимся и его солдатам. «Опьянение радостным и горделивым восторгом безоглядно кружило нам головы, – писал молодой офицер после блистательной победы Наполеона над Пруссией. – Один из наших армейских корпусов провозгласил себя “10-м легионом Нового Цезаря”! [Имеется в виду 3-й корпус Великой армии, отличившийся в ходе кампаний 1805–1807 и 1809 гг. под командованием маршала Л.-Н. Даву; он имел прозвище «Десятый легион» по аналогии с древнеримским Legio X Equestris – первым легионом, лично набранным Юлием Цезарем и являвшимся его любимым, наиболее надежным соединением. – Прим. ред.]. Другие требовали отныне и впредь именовать Наполеона “Императором Запада!”»⁷

Однако Наполеон кроме всего прочего являлся правителем Франции. А как таковой он неизбежно дей-

ствовал под влиянием политических, культурных и психологических движущих процессов, каковые диктовали необходимость придерживаться шаблонов поведения французских государей прошлого – таких, например, как Франциск I и Людовик XIV, – стремившихся к французскому господству над Европой ради достижения продолжительной безопасности.

Франция всегда искала способов добиться равновесия в Центральной Европе с целью предотвратить крупную мобилизацию против нее сил германцев, каковую задачу удалось реализовать в 1648 г. путем заключения Вестфальского мирного договора, позволившего Франции и Австрии, совместно с рядом других стран, создать такую систему сдержек и противовесов. Баланс нарушился в восемнадцатом столетии из-за становления прусской державы и восхождения России как игрока в европейских делах. Данные процессы отозвались крупными подвижками в Германии, выразились в разделе и исчезновении Польши, а также повлекли за собой гонку за влияние на Балканах. Принимая во внимание все вышесказанное, вполне естественным выглядит поиск Наполеоном способа поддержать и защитить интересы Франции, в процессе чего он стремился к «французской» Европе в той же степени, в какой и к удовлетворению собственных притязаний. И, похоже, тут на стороне его была история.

В восемнадцатом столетии Франция, если оперировать культурными и политическими категориями, сделалась путеводной звездой Европы. Передовые позиции страны в данном разрезе только усилились за счет революции, базовые идеи и послы которой встречали не только приятие, но и восхищение среди мыслящей элиты всюду на континенте. Французские политический и военный классы являли собой «*la Grande Nation*» – первую нацию в Европе, сумевшую эмансипироваться, и считавшую себя наделенной великой миссией нести свои достижения прочим народам. Наступила эра Неоклассицизма, и в ней Франция стала рассматриваться как некий новый Рим – светоч, от которого во все стороны лучами распространялась новая идеологическая цивилизация, столица современного мира.

Наполеон вовсе не был закрыт перед энтузиазмом своей эпохи, ибо он жил в ней. Как и положено самому могущественному правителю со времен цезарей, император распорядился очистить Тибр и Forum Romanum, а также велел позаботиться о сохранении оставшихся в Риме памятников. Вскоре после рождения короля Рима, его отец дал старт реализации планов сооружения гигантского императорского дворца на Капитолийском холме. А кроме того намеревался построить еще один

для римского папы в Париже, в который тому предстояло переехать, как бы символически повторяя переезд св. Петра в Рим из Святой земли⁸.

Уже в середине 1790-х годов французские революционные армии начали привозить в Париж не только ценные шедевры искусства, но и библиотеки, научные инструменты и целые архивы. Эпические раунды грабежей не являлись исключительно следствием алчности. Замысел состоял в сосредоточении всего самого нужного и полезного для развития цивилизации в сердце империи, а раз так – не оставлять же все это одним лишь живущим в уделенных провинциях. «Французской империи предстоит стать метрополией высшей суверенной власти, – заявил Наполеон как-то одному из друзей. – Я хочу заставить всех королей Европы построить по большому дворцу для себя в Париже. Когда будут короновать императора французов, сии короли съедутся в Париж и украсят церемонию своим присутствием, приветствиями и изъявлениями покорности». И дело тут не в некоем лозунге Франция «*über alles*» [«Франция превыше всего» – аллюзия с гимном немецких националистов постнаполеоновской эпохи *Deutschland über alles*, т. е. «Германия превыше всего». – *Прим. пер.*]. «Европейскому обществу необходимо возрождение, – утверждал Наполеон в одном разговоре в 1805 г. – Нужна сверхмощная держава, которая господствовала бы над прочими странами, имела достаточно авторитета для того, чтобы заставить их жить в гармонии друг с другом, и наилучшим образом для этого подходит Франция». Он, как многие тираны, был утопистом в своих честолюбивых замыслах. «Нам нужны европейская судебная система, европейский апелляционный суд, единая валюта, общие для всех системы мер и весов, одинаковые законы, – как-то сказал Наполеон Жозефу Фуше. – Я должен превратить народы Европы в один народ и сделать Париж столицей мира»⁹.

Притязания Франции на мантию имперского Рима как будто бы обрели основания в 1810 г., когда Наполеон женился на Марии-Луизе, дочери кайзера Священной Римской империи, Франца II [последний утратил этот титул еще в 1806 г., после создания Рейнского Союза – конфедерации германских государств под протекторатом Наполеона. – *Прим. ред.*]. Тесть государя Франции, являвшийся и императором Австрии под именем Франца I, выказывал согласие в отношении перераспределения власти. Когда же Наполеон произвел на свет наследника, Франц даровал младенцу титул короля Рима, каковой традиционно присваивался сыну императора Священной Римской империи.

Положение Франции на континенте сделалось тогда беспрецедентно сильным. Ее политическая культура

и новая система были приняты на значительных пространствах тут и там в Европе. Но для среднего француза данный момент представлял куда меньше интереса, чем плюсы, полученные им на протяжении десятилетия на домашнем фронте. Все лучшие завоевания революции сохранились, но к ним добавились гарантии порядка, процветания и стабильности, а общая *amnesia* (амнезия) если уж не амнистия позволила людям, разделенным революционной борьбой, оставить позади самые неприятные аспекты прошлого. Степень выживаемости этого нового порядка зависела не только от умения Наполеона защищать его вооруженной рукой, но и от способности императора обеспечить дальнейшее течение процесса за счет предотвращения реставрации Бурбонов. Возвращение Бурбонов означало бы не только восстановление «старого режима», но и создание условий для сведения счетов.

В этом смысле появление на свет короля Рима являлось важнейшим моментом. Многие из подданных Наполеона ожидали, что их государь, недавно преодолевший сорокалетний рубеж, отныне будет проводить больше времени в кругу семьи, чем в армии, что на смену Наполеону Великому однажды придет Наполеон II, а остальная часть Европы примирится с неизбежностью окончательного превращения эпохи Бурбонов в достояние истории. Потому-то люди и ликовали столь бурно. «Народ искренне верил в скорый приход периода прочного мира. Идеи войны и захвата территорий не занимали сознание людей и не казались реалистичными», – писал шеф полиции Наполеона, генерал Савари, добавляя, что младенец представлялся всем гарантом политической стабильности¹⁰.

Сам Наполеон тоже радовался, причем в значительной мере по тем же причинам. «Теперь начинается лучшая эпоха моего правления», – воскликнул он. Император французов всегда очень трезво осознавал непреложный факт: человек, захвативший престол, никогда не будет сидеть на нем уверенно, достигнуть же прочности положения сможет только за счет применения династических принципов. «С рождением сына в моей судьбе появилось будущее, – говорил он своим дипломатическим агентам. – Теперь мною создана законная преемственность. Империи образуются силой меча, а упрочиваются наследственностью»¹¹.

Однако пока он не был готов отложить в сторону оружие. Ему удалось уничтожить единство целей, служившее на протяжении долгих лет питательной средой для всех коалиций против Франции. Австрия, Россия и Пруссия теперь служили такой же угрозой друг для друга, как и для Франции, прежнее нежелание иметь дело с «корсиканским выскочкой» в основном улетучилось, императорский титул за ним признали всюду на конти-

Но вот как раз эти-то последние шаги по урегулированию, призванные гарантировать сохранность достижений в будущем, сделать никак и не удавалось, отчасти по причине постоянного подъема планки требований им самим с целью достигнуть максимума возможного, а отчасти из-за того, что война была его стихией. Наполеон попросту не знал других способов и иных средств получить желаемое. Потому-то все его договоры до сего момента представляли собой лишь соглашения о перемирии, и все его устроения оставались весьма зыбкими, отложенными до не дававшегося в руки окончательного мирного решения. Империя находилась в процессе строительства.

На момент рождения сына Наполеону было почти сорок два года. Роста в нем было пять футов и два дюйма, что считалось маловато для мужчины даже в те времена, однако он мог похвалиться пропорциональным телосложением. «Лицо его никогда не покрывалось румянцем. Равномерно матово-белые щеки делали лицо бледным, но не таким, как случается у тяжело больных людей, – писал секретарь императора, барон Фэн. – Коротко постриженные каштановые волосы не вились, а лежали ровно. Голова была круглой, лоб – широким и высоким, глаза – серо-голубыми, взгляд – мягким. Он мог похвастаться аккуратным носом, благородно вырезанной линией губ и отличными зубами». Однако в последнее время Наполеон начал набирать вес. Торс расширился, шея, и без того недлинная, стала казаться и вовсе короткой, появился животик. По словам тех, кто видел императора французов часто, глаза его утратили былую пронзительность. Говорил он теперь медленнее, а решения принимал не сразу. Феноменальная способность к сосредоточению ума снизилась, и те, кто привык к его вспышкам ярости, с удивлением наблюдали за появившейся в нем меланхоличностью и нерешительностью. Словно бы нечто поедало жизненные силы этой яркой, словно Прометей, личности. Принято считать, что по достижении Наполеоном возраста сорока лет начал давать сбои его гипофиз, отчего развивалась адипозогенитальная дистрофия, в условиях которой человек как раз толстеет и утрачивает значительную часть энергии¹³.

Совершенно нельзя с точностью сказать, чувствовал ли сам Наполеон какие-то внутренние признаки упадка. Враги его, конечно же, указывали, что победы императора французов стали не такими впечатляющими, как прежде, каковой момент он, должно быть, и сам осознавал. Пусть все это не означало заката жизненного пути, конец карьеры находился где-то не так уж далеко, а посему следовало поспешить с последними битвами и в ближайшем будущем достигнуть, наконец, окончательного мирного урегулирования.

Главным препятствием на пути такого устроения выступала Британия, давным-давно ведшая с Францией бесконечный поединок. Обладая господством на море, Британия имела шанс подрывать французскую торговлю и поддерживать сопротивление в любой точке на европейском континентальном берегу, точно так, как она и делала на тот момент в Испании. После уничтожения франко-испанского флота в Трафальгарской битве в 1805 г. Наполеон лишился инструмента для противодействия британским ВМС и не мог дать им решающего сражения. Посему в борьбе с врагом он предпочитал прибегнуть к экономическим средствам – закрыть весь континент для британской коммерции.

Идея не отличалась оригинальностью. Французы пребывали в полном убеждении относительно того, что богатство Британии проистекает не от собственно метрополии, а от колоний, каковые и служили источником притока товаров, продажа которых в Европе позволяла британцам наживать огромные барыши. Любой конфликт между Британией и Францией на протяжении последнего столетия обязательно отчасти выливался в таможенную войну, а революционное правительство и Директория лишь унаследовали данную традицию. Поскольку в плане торговли Британии завидовали очень многие, подобная политика пользовалась популярностью. Наполеон поддержал старые начинания, поднял и без того высокие пошлины, а в конце концов наложил запрет на британскую торговлю на континенте.

В теории шаги французского руководства должны были вызвать экономические трудности в Британии, каковые в свою очередь подорвали бы в стране поддержку войне. Виги, находившиеся тогда в оппозиции, симпатизировали революции во Франции и выступали против ведения против нее военных действий, к тому же многие восхищались личностью Наполеона. Хотя они и находились в меньшинстве, их призывы к миру с Францией вполне имели шанс быть услышанными, когда бы от войны начала страдать британская торговля. Однако если смотреть в долгосрочной перспективе, Франция, возможно, претерпевала убытки большие, чем Британия. Наполеоновская Континентальная система, как он величал ее, фактически не работала, контрабанда и коррупция позволяли найти лазейки даже во французских портах, в то время как зависимые от Франции государства и союзники на деле и вовсе не вводили ее.

Что еще хуже, система континентальной блокады вызывала нужду у населения повсюду в подчиненных и союзнических странах. Как раз этого-то Франции было бы разумнее всего не допускать. Германия особо остро ощущала убытки, и политическое брожение в ней